

ФРОНТИСПИС «ЛЕВИАФАНА» КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙ ТОМАСА ГОББСА О ДЕМОНОЛОГИИ

А. Ю. Тетерин

Томский государственный университет, Томск, Россия;

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
avronconst@gmail.com

Известный трактат Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) не только представляет собой обширный политический труд, но и включает множество тематик, посвящённых природе человека, языку и теологии. Особого интереса заслуживает тема демонологии, которую Гоббс рассматривает в своем *opus magnum*. Важность рассмотрения идей демонологии обосновывается спецификой контекста Англии XVII века, где разворачивается диспут о роли дьявола и демонологии. При обсуждении темы демонологии следует отметить, что внимание заслуживает не только сам текст, но и фронтиспис, написанный Абрахамом Боссом для Гоббса. Основанием для обращения к фронтиспису являются два следующих утверждения: во-первых, для христианской традиции Левиафан относится к сфере демонического, во-вторых, данный образ имеет богатую историю и включает в себя разные смыслы. Таким образом, в статье рассматривается следующий вопрос: каков потенциал фронтисписа «Левиафана» как визуального источника в интерпретации идей Томаса Гоббса о демонологии?

Во-первых, обращение к фронтиспису «Левиафана» позволяет нам увидеть, как визуальные составляющие этого образа согласуются с политическими идеями Гоббса. Например, меч и жезл в одних руках «большого человека» (μάκρος ἄνθρωπος) передают идею о том, что суверен реализует светскую и духовную власть одновременно. Другим важным примером выступает наличие в теле Левиафана маленьких людей, которые знаменуют собой общественный договор каждого с каждым перед лицом смертного Бога. Специфика Левиафана подчёркивается ссылкой на ветхозаветную книгу Иова, в которой встречаются описания этого образа.

Во-вторых, демонстрируется то, какие функции несёт в себе изображение в политической философии «Левиафана». Посредством анализа текста Гоббса мы выделяем по крайней мере три функции изображения: удержание образа в памяти; возможность почитания; страх подданных перед насильственной смертью от рук суверена за непослушание.

В-третьих, несмотря на то, что фронтиспис не содержит явных демонологических образов, а критика демонологии Гоббсом заключается в его философии языка, риторике и толковании текстов Библии, изображение Левиафана

выступает в статье в качестве визуального источника идей Гоббса о демонологии. Вновь обращаясь к телу Левиафана, состоящему из маленьких людей, отмечается ассоциативная связь множества с множественностью дьявола в средневековой демонологии. Множество, не имеющее ранее субъектности в естественном состоянии, превращается в народ, а волю последнего выражает суверен. В этом отношении наблюдается противопоставление единому как благу и множеству как злу. В конце концов отмечается, что сам взор подданных направлен на голову Левиафана. Подданные, смотря на мир «глазами» суверена (через его «оптику»), не допускают наличия демонологических образов, однако принимают образ суверена, навещающего на них страх.

Ключевые слова: Томас Гоббс, фронтиспис, Левиафан, демонология, история философии

THE FRONTISPIECE OF *LEVIATHAN* AS A VISUAL SOURCE OF INTERPRETATION OF THOMAS HOBBS' IDEAS ON DEMONOLOGY

Artyom Yu. Teterin

Tomsk State University, Tomsk, Russia;
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
avronconst@gmail.com

The frontispiece of *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil* (painted by the French engraver Abraham Bosse in 1651 in collaboration with Thomas Hobbes) is an important component of the political work. The figure of a "huge man" holding a sword and a bishop's staff marks the identity of secular and spiritual authority. The richness of Hobbes' work and the multitude of themes it contains force us to turn to the frontispiece as a visual source. This paper is particularly interested in Hobbes's demonology. The choice of this theme is explained by the reference to the context and the work of the English philosopher himself. In terms of the context, the seventeenth century appears as the historical period which unfolds the debate about demonology in England. From the point of view of the text, it is confirmed that the work is structured in such a way that Hobbes transitions from the themes of human nature, politics and theology to a critical dissection of demonological views. The relationship between demonology and the frontispiece is contradictory. On the one hand, the image of Leviathan is associated with demonology. On the other hand, the image of the "huge man" does not contain explicit references to demonology. In order to reconcile this contradiction, I identify the main interpretative aspects of the frontispiece. First of all, it is necessary to understand how the frontispiece outlines Hobbes's political model. I further turn to the topic of images in Hobbes' works to highlight their main functions within political philosophy.

Finally, building on the previous tasks, I identify the interpretive aspects of the frontispiece in relation to demonology. The main visual components of the frontispiece are the reference to a verse from the Old Testament, more specifically the Book of Job, the symbols of secular and spiritual authority (sword and bishop's staff), and the people who make up the body of the "huge man" ("μάκρος ἄνθρωπος"). Thus, the image of Leviathan reflects the main points of Hobbes' text about the assembly of citizens to conclude a social contract. The ecclesiastical symbolism of the image creates a sense of Leviathan's power through rights such as excommunication. It is noticed that people turn their gaze to the face of Leviathan (sovereign), to whom they owe the coming of peace and protection. The concentration of the gaze on the sovereign also demonstrates the psychological nature in the civil state. Further, I note that the image carries the functions of remembering, honouring and arousing fear of violent death. I show that one of the visual components of the frontispiece is the set included in the body of Leviathan. This component is associated with the demonological logic about the plurality of the devil, which does not have a single face. A curious point is that humans look at Leviathan through his eyes and are supposed see a world devoid of supernatural entities. As a result, we wonder: could the image of Leviathan be used against Hobbes' political conception, given the polysemantic nature of the frontispiece?

Keywords: Thomas Hobbes, frontispiece, Leviathan, demonology, history of philosophy

DOI 10.23951/2312-7899-2025-1-168-180

Трактат Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (далее – «Левиафан») ассоциируется у современных читателей с мрачным описанием естественного состояния, общественным договором и могущественной властью суверена.

Подобные ассоциации несправедливы, поскольку Томас Гоббс – фигура далеко не односторонняя. «Левиафан» снабжён важными рассуждениями, ставшими отличительной чертой политической философии Нового времени. Корректно будет заявить, что текст Гоббса представлен огромным разнообразием тематик о природе человека, проблем языка и теологии. В том числе Томас Гоббс не обходит стороной демонологию. Обращение английского мыслителя к подобной теме может показаться нам архаичным или даже обскурантистским. Однако демонология является частью его политического произведения и неразрывно связана с контекстом Англии XVII в.

С точки зрения контекста того времени течения, возникшие в XVI–XVII веках из-за Реформации, несмотря на различия в вопро-

сах вероучения и практики, не торопились пересматривать свои демонологические воззрения. Так, Джонстоун пишет, что идея дьявола в Англии испытала на себе культурную трансформацию в рамках Реформации: среди духовенства было распространено убеждение, что сатана – внутренний и скрытый враг каждого человека, исповедующего христианскую веру, однако сторонники Реформации не стали ниспровергать традиционные представления о сатане и не предусматривали какие-либо реформы внутри богословия, касающихся демонологии [Johnstone 2006, 1]. Ввиду назревающего политического кризиса в Англии религиозные диспуты носили приоритетный характер. В Англии того времени активно шли рассуждения о демонологии и её отношении к политической власти [Monateri 2019].

Обращаясь к тексту «Левиафана», следует добавить, что, во-первых, политические рассуждения Гоббса невозможны без обращения к христианской теологии, а политические тезисы «обрастают» теологическими категориями по мере развёртывания его текста [Дмитриев 2018, 56]; во-вторых, политика и теология Гоббса переходят в поле критики демонологии [Тетерин 2023, 74–75]. Если посмотреть на само содержание «Левиафана», то мы увидим, как Гоббс переходит от тем природы человека, политики и религии к вопросам демонологии.

Говоря о наличии связи между политической философией и демонологией, нельзя упустить из нашего поля зрения один из специфических элементов произведения Гоббса – фронтиспис, написанный Абрахамом Боссом¹ для английского автора. Фронтиспис является не только инструментом, сопровождающим политический Трактат Гоббса, но и его важной составляющей [Бредекамп 2017]. Этот громадный образ, так называемый *μάκρος ἄνθρωπος* (с гр. «большой человек»), прямо отсылает нас к одной известной истории Ветхого Завета о праведнике Иове. В XX веке Карл Шмитт даст избранному Гоббсом символу лестную характеристику, подчеркнув, что использование образа Левиафана в произведении не только играет роль наглядности, иллюстрации содержания концепции, но и обладает глубоким мистицизмом и символизмом [Шмитт 2006, 105]. Данный образ выбран неспроста, поскольку в христианской традиции Левиафан ассоциируется с демонологическими образами, в особенности с фигурой дьявола. Однако этот

---

¹ Абрахам Босс (1604–1676) – французский художник, гравёр, почётный член Королевской академии живописи и скульптуры (с 1651 года).

образ имеет более богатую историю и несёт в себе позитивные коннотации, включающие не только христианскую демонологию [Тетерин 2022].

Прежде чем подробно останавливаться на значениях фронтисписа, следует задать вопрос: каков потенциал этого визуального источника в интерпретации идей Томаса Гоббса о демонологии? Ответить на этот вопрос мы планируем в следующей последовательности: а) рассмотреть фронтиспис как объяснительную модель политической концепции Гоббса; б) посредством обращения к темам «Левиафана», связанным с изображением, определить его основные функции; в) при помощи фронтисписа выявить интерпретационные аспекты критики демонологии.

Для начала обратимся к изображению (ил. 1).

Ил. 1. Титульная страница «Левиафана» Гоббса. Лондон: Эндрю Кук, 1651

Босс представил образ «Левиафана» геометрическим способом, поскольку для него это было основным вариантом воспроизведения Левиафана [Бредекамп 2017]. Абрахама Босса и Томаса Гоббса объединяло не только сотрудничество по созданию фронтисписа, но и общий интерес к геометрии. Вспомним, что Томас Гоббс считал геометрию эталоном научного знания и был поражён трудом Евклида «Начала».

Вернёмся к изображению. Вверху фронтисписа мы видим прямую отсылку к Книге Иова: «Нет на земле подобного ему» (Иов. 41:25). Далее перед нами предстаёт образ «большого человека», держащего в руках меч и жезл епископа. Уже само изображение свидетельствует о неразрывной связи между светской и духовной властью, что обозначено в полном названии трактата Гоббса. Меч, как можно судить по тексту, есть гарантия покорения суверену. Гоббс пишет: «Каждый подданный государства обязался договором повиноваться гражданскому закону... покорённые мечом, они обещают повиновение, чтобы сохранить свою жизнь» [Гоббс 2022, 602]. Жезл есть символ церковной власти. Гоббс говорит о нем уже в контексте антипапизма. Для Гоббса понятие «жезл», которым он оперирует в тексте, – власть, дающая право отлучать от церкви [Гоббс 2022, 779].

Любопытно также отметить, что туловище и руки «большого человека» (кроме головы и кистей) состоят из маленьких частей – людей.

Ниже мы наблюдаем холмы и город. Внизу Босс помещает изображения светской (слева) и духовной власти (справа) в рамку [Бредекамп 2017]. Хой делает интересные наблюдения, когда говорит о том, что город не пустует: во-первых, в нем находятся солдаты, пострадавшие от «недуга городского республиканизма»; во-вторых, маленькие люди, составляющие «большого человека», присутствуют в городе и обращены лицом в сторону суверена, они стоят спиной по отношению к городу [Нюе 2024, 57]. Все это отражает логику политического повествования Гоббса о власти суверена. При заключении договора множество превращается в «реальное единство, воплощённое в одном лице посредством соглашения» [Гоббс 2022, 543]. Заключение договора каждого с каждым, простыми словами, означает ровно следующее: я передаю этому лицу (суверену) право управлять мною, если и ты совершишь аналогичное действие, передав свои права одному лицу на управление собой [Гоббс 2022, 543]. Поскольку народ воплощён в лице суверена, то и отношения между людьми отныне (после заключения договора)

опосредованы через него. Ввиду этого люди обращают свой взор не в сторону города, но в сторону «большого человека». Далее Гоббс подытоживает, что именно так и рождается великий Левиафан, смертный Бог, которому подданные обязаны повиноваться, поскольку были установлены мир и защита в рамках общественного договора [Гоббс 2022, 543].

Обращение взора маленьких людей в сторону суверена ещё и отражает психологическую природу страха в её буквальном смысле. Это проще объяснить через противопоставление страха с тревогой. Последняя подразумевает негативные ощущения при отсутствии или неопределённости объекта тревоги. Страх же имеет под собой конкретный объект. Например, суверен имеет право на основании закона насильственно лишить жизни (смертная казнь). К тому же страх в гражданском состоянии не исчезает, а переносится на суверена, поскольку основанием политического в философии Гоббса является жизнь в противоположность потенциальной смерти в естественном состоянии [Бродский 2022, 81].

Таким образом, перед нами насыщенный символ, в котором переплетаются политика и теология, заключённые в руках единой власти. Изображение содержит в себе идею о человеческом искусстве, с которой начинаются первые строки трактата, являющиеся имитацией, фикцией, противопоставляя политику природному миру или естественному порядку.

Как нам понять ключевую роль фронтисписа как визуальной составляющей? Другими словами, какова в общих чертах функция изображения в философии Гоббса? Вернёмся к тексту.

Универсум, который рисует перед нами Гоббс, носит материалистический характер. Простыми словами, наш мир, по мнению английского автора, состоит из тел (и их взаимодействия), находящихся в пространстве. Последнее же есть нечто воображаемое, то, что потенциально может быть заполнено телом (телами). Взаимодействуя, тела могут вызывать ощущения, потому что причину любого ощущения можно свести к тому, что одно тело оказывает давление на другое или на органы человеческих чувств [Гоббс 2022, 443]. И эти же ощущения есть продолжающееся взаимодействие или движение тел. В этом смысле материалистическая картина Гоббса расходится со схоластической: английский философ отказывается от идеи, что видимая вещь посылает свою так называемую внешнюю видимость или внешнюю слышимость [Там же, 444].

Как верно отмечает Бредекамп, изображение есть часть «психологической деятельности», где зрение реагирует на давление, на

воздействие других тел, но сама политика, создавая изображения, располагается в категориях времени и пространства [Бредекамп 2017]. Здесь же отмечается, что изображение (в отличие от текста) позволяет надолго удержать образы в памяти [Бредекамп 2017].

У Гоббса изображение должно быть связано не с возможностью поклонения, а с возможностью почитания. Гоббс приводит интересный пример, когда объясняет функцию изображения. Он считает, что рисование картины согласно своей фантазии не является греховным поступком [Гоббс 2022, 836]. При этом грехом будет использование картины как предмета культа (противоречие второй заповеди). Единственным выходом из ситуации Гоббс видит использование или употребление изображения как предмета гражданского почитания несуществующего, но существовавшего лица [Гоббс 2022, 836].

Именно почитание здесь является ключевым. Употребление изображения как предмета почитания несёт в себе следующие смыслы: во-первых, почитание означает, что подданные достаточно высоко ценят могущество конкретного лица, и эта оценка соизмеряется со степенью могущества других лиц [Гоббс 2022, 829]; во-вторых, никто и ничто не должно сравниваться с фигурой Бога в вопросе могущества [Гоббс 2022, 829]. Следовательно, Левиафан выступает в качестве смертного Бога (наместника Бога на земле), который являет собой могущество над всеми «сынами гордости».

Что есть гордость? Как и множество других ощущений, Гоббс называет страстями. Среди большинства страстей одна из самых главных – страх насильственной смерти, что заставляет людей обратиться к миру [Тетерин 2023, 76]. Страсти должны склонять подданных к миру, потому что перед Левиафаном всегда стоит угроза возврата в естественное состояние. В конце концов «Левиафан» есть трактат для воспитания подданных [Hull 2015, 105–106].

Таким образом, мы отметили, что фронтиспис обладает по крайней мере тремя функциями: 1) удержания образов в памяти; 2) почитания, но не поклонения; 3) возбуждения страха насильственной смерти. Ранее мы уже говорили о том, что демонология направлена на ниспровержение страха насильственной смерти, а Гоббс, в свою очередь, предлагал нейтрализовать деструктивный потенциал демонологических учений при помощи обращения к языку, толкованию имён [Ямпольский 2004, 219; Тетерин 2023, 84], риторики [Skinner 1996, 397–399] и текстов Ветхого и Нового завета [Morrow 2011, 39–40]. При этом остаётся последний вопрос, который заслуживает нашего внимания: что визуальные составляющие

фронтисписа могут сказать применительно к идеям Гоббса о демонологии?

Можно заметить, что на фронтисписе нет никакого изображения демонологических сущностей. Однако одна из частей фронтисписа включает в себе демонологическую логику, исключая самого дьявола / сатану. Вернёмся к маленьким людям, что составляют тело Левиафана. Что Гоббс говорит нам об этих людях? В естественном состоянии они равны между собой и несут по отношению друг к другу потенциальную угрозу «войны всех против всех», поскольку их не объединяют ни власть, ни общие понятия о ценностях, ни долгосрочные договоры, имеющие прочную гарантию. Все они есть ничто иное как толпа, сборище или множество (*multitude*). До тех пор, пока между ними не заключён общественный договор, они остаются в этом статусе. Простыми словами, множество не обладает никакой субъектностью, творческой потенцией.

В этом смысле множество ассоциируется с одним из ключевых свойств фигуры дьявола / сатаны в Средние века: с множественностью самого дьявола, который не имеет одного облика и может перевоплощаться. Конечно же, подобные свойства дьявола говорят не в пользу его могущества, а в пользу его немогущности [Махов 2006, 254].

Наконец, множество превращается в народ, поскольку оно не только заключает договор, но и собирается в тело «большого человека». Гоббс пишет: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путём взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтёт необходимым для их мира и общей защиты» [Гоббс 2022, 543]. Негативное множество (дьявол / сатана) сменяется позитивной властью суверена (смертным Богом, сувереном как наследником Бога на земле, заключающим в себе светскую и духовную власть).

Ассоциация с множеством как качеством дьявола, или злом, далеко не случайна. В контексте провозглашения единой власти Гоббс обозначает себя как мыслителя Нового времени, эпохи Модерна наперекор первобытной политической жизни. Если в парадигме европейского мышления единое чаще выступало благом (например: единое как источник мироздания, всего сущего, Бог как единое лицо, Троица, единая власть и т.д.), то в мышлении первобытных обществ, к примеру гуарани, о которых писал Пьер Кластр, единое означает пространство, где рождается зло и выступает источником несчастья [Кластр 2020, 305]. В связи с этим пророчества народа гуарани – попытка отказа от категории Единого

го как «от универсальной сущности государства» [Кластр 2020, 305]. У Гоббса все обстоит иначе. Лишняя множество своего бытия, активного и творческого статуса, «Левиафан» в различении единое / множество обрисовывает нам политическую теологию, перенося качества Бога на суверена, а качества дьявола на множество или непослушных подданных, где для Гоббса сатана является земным врагом церкви (и государства) [Гоббс 2022, 716]. Именно в единой власти состоит благо подданных. Другими словами, отсутствие единой власти ведёт нас в естественное состояние.

В конце концов тело Левиафана – не единственная возможность интерпретации идей демонологии. Обратимся к Бредекампу, который предлагает достаточно интересную интерпретацию «оптики» Левиафана. Бредекамп считает, что важно обратить внимание на направление взгляда людей в сторону Левиафана, то есть куда смотрят подданные [Бредекамп 2017]. Он поясняет: «Взор каждого из них независимо от его положения устремлён к голове великана и через его взгляд обращён на смотрящего... Противоречивый характер государства, порождённого людьми, которые подчиняются ему, выражен во взаимодействии форм зрительного контакта граждан, Левиафана и зрителя» [Бредекамп 2017]. Вдобавок к этому Виейра пишет, что люди, составляющие тело Левиафана, должны видеть в себе создателей государства, но также и испытывать страх перед созданным, поскольку принадлежат ему [Vieira 2018, 100]. Этот страх должен усиливаться за счёт того, что: а) Левиафан – нечто большее, чем просто сумма составляющих его частей; б) подданные должны находиться в идентичности с государством, то есть воплощать в себе людей, разделяющих образ жизни в мирном и безопасном политическом состоянии [Vieira 2018, 100]. Следовательно, смотреть на Левиафана – значит смотреть на мир его «глазами», удерживать его образ в своей памяти, почитать его и воспроизводить страх насильственной смерти как самое предельное наказание. В этом контексте вера в демонологию должна быть исключена. Смотреть на мир его «глазами» – значит не допускать наличия образов и фантомов, которые могут показаться сверхъестественными. Коротко говоря, единственный легитимный фантом или образ – это сам Левиафан и его символы власти.

Таким образом, был рассмотрен интерпретационный потенциал фронтисписа как визуального источника, позволяющий интерпретировать идеи о демонологии Томаса Гоббса. Благодаря тому что фронтиспис является органичной частью произведения, отсылающей к политическим тезисам Гоббса, потенциал изображения

подтверждается при помощи не только текста, но и самих визуальных составляющих: тела Левиафана и его «оптики». Несмотря на то, что фронтиспис не содержит в себе явных демонологических образов, в нем можно наблюдать глубокие символы, которые противостоят множественности как злу (множественности дьявола).

Однако стоит задаться вопросом: не стоит ли за образом Левиафана ловушка? Как мы помним, XVII век – время диспутов о демонологии. Один из пресловутых вопросов о демонологии того времени можно сформулировать так: не пытается ли дьявол доказать своё несуществование, чтобы скрыть свои злодеяния в отношении человеческого рода? Следовательно, не может ли образ Левиафана, использующийся как символ единой власти и поддержания порядка, быть развернут против политических конструкций Гоббса, обретая явные черты демонических сил? Полисемантический образ Левиафана лишь обостряет эти вопросы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бредекамп 2017 – *Бредекамп Х.* Визуальные стратегии Томаса Гоббса // Новое литературное обозрение. 2017. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/4/vizualnye-strategii-tomasa-gobbsa.html>
- Бродский 2022 – *Бродский В. И.* Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. № 3-4. С. 72–101. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-72-101
- Гоббс 2022 – *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Основы философии (о теле, о человеке, о гражданине); Человеческая природа; О свободе и необходимости; Левиафан. М.: АСТ, 2022. С. 437–872. (Вся история в одном томе).
- Дмитриев 2018 – *Дмитриев Т.* Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 56–89.
- Махов 2006 – *Махов А. Е.* Hortus antiquus. Категории и образы средневековой христианской демонологии: опыт словаря. М.: Intrada, 2006.
- Кластр 2020 – *Кластр П.* Общество против государства // Только анархизм: антология анархистских текстов после 1945 года / сост. Б. Блэк. М.: Гилея, 2020. С. 277–310.
- Тетерин 2022 – *Тетерин А. Ю.* Политическое значение фигуры дьявола в «Левиафане» Томаса Гоббса // Вестник Томского государ-

- ственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 76–83. doi: 10.17223/1998863X/69/9
- Тетерин 2023 – Тетерин А. Ю. Языковой аспект в демонологии Томаса Гоббса // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 74–86. doi: 10.25205/2541-7517-2023-21-4-74-86
- Шмитт 2006 – Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына СПб.: Владимир Даль, 2006.
- Ямпольский 2004 – Ямпольский М. Физиология символического. Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Hoeye 2024 – Hoeye J. M. Leviathan against the Borough Corporation // Hoeye J. M. Sovereignty as a Vocation in Hobbes's Leviathan. New foundations, Statecraft, and Virtue. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024. P. 25–67.
- Hull 2015 – Hull G. Building Better Citizens: Hobbes against the Ontological Illusion // Epoche. 2015. Vol. 20 (1). P. 105–129.
- Johnstone 2006 – Johnstone N. The Devil and Demonism in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Monateri 2019 – Monateri P. G. The Birth of the Leviathan. Heterodoxy and Daemonology in Western Political Thought // The Cardozo Electronic Law Bulletin. 2019. Vol. 25 (2). P. 2–33.
- Morrow 2011 – Morrow J. L. Leviathan and the swallowing of scripture: the politics behind Thomas Hobbes' early modern biblical criticism // Christianity & Literature. 2011. Vol. 61 (1). P. 33–54.
- Skinner 1996 – Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Vieira 2018 – Vieira M. B. RE-Imagi(n)ing Leviathan // Hobbes Studies. 2018. Vol. 31 (1). P. 93–119.

REFERENCES

- Bredekamp, H. (2017). Thomas Hobbes's Visual Strategies. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/4/vizualnye-strategii-tomasa-gobbsa.html> (In Russian).
- Brodskiy, V. I. (2022). Life, Death, and the Political: Existential Foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's Teachings. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 3-4, 72–101. In Russian. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-72-101>
- Clastres, P. (2020). Society against the State. In B. Black (Ed.), *Anarchism only: An anthology of anarchist texts after 1945* (pp. 277–310). Gileya. (In Russian).

- Dmitriev, T. (2018). The Political Theology of Thomas Hobbes' Leviathan. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 17(3), 56–89. (In Russian).
- Hobbes, T. (2022). Leviathan: Or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil. In *Osnovy filosofii (o tele, o cheloveke, o grazhdanine); Chelovecheskaya priroda; O svobode i neobhodimosti; Leviafan* [Elements of Philosophy (Concerning Body, Concerning Man, On the Citizens); Human Nature; Of Liberty and Necessity; Leviathan] (pp. 437–872). AST: OGIZ. (In Russian).
- Hoye, J. M. (2024). Leviathan against the Borough Corporation. In *Sovereignty as a Vocation in Hobbes's Leviathan. New foundations, Statecraft, and Virtue* (pp. 25–67). Amsterdam University Press.
- Hull, G. (2015). Building Better Citizens: Hobbes against the Ontological Illusion. *Epoche*, 20(1), 105–129.
- Johnstone, N. (2006). *The Devil and Demonism in Early Modern England*. Cambridge University Press.
- Makhov, A. E. (2006). *Hortus antiquus. Kategorii i obrazy srednevekovoj hristianskoj demonologii. Opyt slovarya* [Hortus Anticus. Categories and Images of Medieval Christian Demonology. An Attempt at a Dictionary]. Intrada.
- Monateri, P. G. (2019). The Birth of the Leviathan. Heterodoxy and Daemonology in Western Political Thought. *The Cardozo Electronic Law Bulletin*, 25(2), 2–33.
- Morrow, J. L. (2011). Leviathan and the swallowing of scripture: the politics behind Thomas Hobbes' early modern biblical criticism. *Christianity & Literature*, 61(1), 33–54.
- Schmitt, C. (2006). *Leviathan in the Doctrine of the State by Thomas Hobbes*. Vladimir Dal. (In Russian).
- Skinner, Q. (1996). *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge University Press.
- Teterin, A. Yu. (2022). The political significance of the figure of the devil in Thomas Hobbes' Leviathan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69, 76–83. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/69/9>
- Teterin, A. Yu. (2023). The linguistic aspect in the demonology of Thomas Hobbes. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*, 21(4), 74–86. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-4-74-86>
- Vieira, M. B. (2018). RE-Imagi(n)ing Leviathan. *Hobbes Studies*, 31(1), 93–119.
- Yampolsky, M. (2004). *Fiziologija simvolicheskogo* [Physiology of the Symbolic] (Book 1). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 20.01.2025